

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Нина Роса

Что значит поцелуй?

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2020
 SARMA LA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р74

Серия основана в 2011 году
Выпуск 545

Художник
В. Успенская

Роса Н.
Р74 Что значит поцелуй?: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3092-5

Возвращаясь из опасного путешествия, мог ли Андэр Каларон, маркиз и авантюрист, представить, что дома его ждет засада в виде маменьки и... дюжины невест. И уж точно он не знал, что внезапно стал опекуном двух проказливых близнецов — семнадцатилетних Луки и Виолы. Появление брата и сестры выглядит слишком подозрительно, к тому же молодые люди многое скрывают. Домочадцы и законные невесты ополчились против близнецов. В поместье разгорается такая война, что даже идущие по следу Андэра шпионы вражеского государства его уже не впечатляют — ему бы матушку одолеть да с собственным сердцем разобраться.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Нина Роса, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3092-5

ГЛАВА ПЕРВАЯ, *в которой сходятся дороги*

«Мы все потеряли...» Виола решила признать очевидное хотя бы мысленно. Честность перед собой всегда ее спасала. Как бы они ни препирались с братом в попытке переложить вину на кого-то одного, но всегда были виноваты оба.

Виола подтянула постоянно сползавшие на бедра бриджи, в отличие от Лúки, ее брата-близнеца, у нее талия была тоньше, а бедра немного шире, только это спасало девушку от окончательного конфуза.

Идти вслед за братом по пыльной, прожаренной летним полуденным солнцем дороге было нелегко. Хотелось пить. Но все вещи и наличность остались в злополучном экипаже, который покинул их под покровом ночи на глухом постоялом дворе. Подлый возница наверняка был в доле с опоившим близнецов хозяином ночлежки, в которой они были вынуждены провести ночь. Их обобрали. А этот негодяй хозяин поутру еще имел наглость требовать с них деньги за ночлег.

Лука пнул валявшийся на тракте камень. Виола с тоской проводила отлетевший булыжник взглядом. Пока все их с братом путешествие представлялось таким же бесполезным: проклятый маркиз Каларон был неуловим.

На поиски своего новоявленного опекуна близнецы потратили последние деньги, других до распоряжения маркиза не ожидалось. А как он может распорядиться выдать им содержание, если ничегошеньки о своих обязательствах не знает?! Безусловно, причина этого неприятного положения в покойном батюшке и его посмертной воле. Наживший для детей состояние капитан ра Веллáд все предусмотрел, обо всем позаботился, кроме одного: не поинтересовался судьбой человека, которого много ранее вписал в завещание опекуном на случай своей смерти. Старый-то маркиз, указанный в бумаге, уже лет

пять как преставился. А за новым теперь побегать надобно. Не будь смерть отца такой внезапной, может, все сложилось бы по-другому. А сейчас семнадцатилетние, похожие как две икринки в помете рыбы-иглы, дети владельца Солнечной флотилии брели по разбитой дороге. Голодные, в запыленной и пропотевшей одежде, в карманах которой лишь крошки от вчерашних сухарей.

Брат притормозил и пошел рядом с сестрой.

— Прости меня, Ви. Надо было тому гончару хоть пару кувшинов расколотить, может, все и обошлось бы... А теперь-то что... Как курята попали...

Виола только засопела: злое дело помогло бы, да что толку думать о том, чего не сделали. Таким уж странным волшебным даром наградила их матушка.

Как-нибудь выпутаются, а впредь будут внимательней отслеживать ведьмин цикл — за тринадцать часов можно успеть совершить все, что нужно для возврата равновесия. Главное, не расслабляться и строго отслеживать деяния, раз уж магия так сильно влияет на их жизнь.

— Пить хочу.

Лука согласно кивнул — он тоже мечтал набрести на какой-никакой тенек и чтобы там непременно журчал ручеек. Но пока дорога тянулась среди выгоревшей травы, степь раскинулась до горизонта, ни деревца вокруг. То ли дело их родной Приморский край с его скалами, среди которых море сверкало синью. Недаром все жители южных земель Гевратской империи втайне считали себя отдельной страной. В Маринвенской бухте, где до недавнего времени проживали близнецы ра Веллад, даже присказка ходила: «До императора далеко, до Морского Черта близко». По старой традиции Чертом звался главарь пиратов, обосновавшийся на одном из тысячи островков, расположенных между побережьем Приморского края и жаркими землями Алтувета — второго по величине континента Фрайлата, мира, созданного богами из звездного яйца в начале начал.

Прежний гевратский император постоянно воевал и с союзом алтуветских государств, и с пиратами. Но нынешний правитель империи предпочел договориться с обоими противниками: с Алтуветом о мире, а с пиратами, тайно, о нападении только на алтуветские корабли. Теперь, при Аргане II, за участие в пиратстве перестали вешать, поэтому приморские

жители частенько открыто шли в братство Морского Черта, но на время, чтобы по-быстрому разжиться деньгами. Только островитяне всю жизнь промышляли пиратством, передавая лихое ремесло по наследству.

Сестра с братом подозревали, что в молодости их отец тоже занимался морским разбоем, а уважаемым членом купеческого сообщества стал только с их появлением. Начал с потрепанной шхуны, работал, как каторжник в северных рудниках, и через десять лет создал Солнечную флотилию, которая с той поры постоянно прибывала новыми судами. По родовому имени — ра Веллад — славного капитана звали только в родном краю да среди морской братии, в Геврате же он стал известен под именем Счастливого Веледа — так имперцы исковеркали его майриройское имя. В наследство детям капитан ра Веллад оставил восемнадцать быстроходных торговых кораблей и собственную пристань с доками и складами. Теперь только пункт завещания об опеке стоял между этими богатствами и голодными, измученными жаждой, оставшимися без гроша наследниками Солнечной флотилии.

После смерти батюшки положение близнецов оказалось настолько отчаянным, что они были вынуждены пуститься в путь, чтобы найти своего опекуна — молодого маркиза Каларона. В отличие от своего отца, ныне покойного маркиза, которого капитан ра Веллад в завещание вписал просто: «маркиз Каларон», наследник титула на месте не сидел. Андэр Каларон слыл ветреным искателем приключений, заядлым путешественником и коллекционером всяческих диковинок, ради которых в любой момент мог сорваться с места и исчезнуть в неизвестном направлении. При этом молодой маркиз обладал огромным состоянием и многочисленной недвижимостью, разбросанной по всей территории Гевратской империи.

В дороге Лука и Виола провели больше недели. С каждым днем их скромные денежные запасы таяли, вдобавок брат и сестра попали в руки мошенников, лишивших их и того немногого, что было припрятано в дорожном сундуке. Выбраться из ловушки пришлось с помощью магии, что еще больше сказало на незавидном положении ра Велладов.

Вот и сейчас мысль колдовством повлиять на ситуацию в свою пользу не оставляла Луку.

— Ви, может, мы все же...

— И думать не смей!

Как бы Виоле ни хотелось с помощью магии решить затруднения, с которыми им с братом нынче пришлось столкнуться, колдовать было нельзя. Их отчаянное положение явилось прямым результатом прошлой попытки. Не вернув первый магический долг, они еще добавили себе неприятностей, заколдовав мошенника — хозяина постоянного двора.

Виола пристально посмотрела в светло-аквамариновые глаза брата:

— Подумай головой, мы уже лишились вещей, денег, воды, еды и средства передвижения. Находимся морские боги знают где. Что еще ты желаешь утратить? Хочешь, чтобы мы потеряли друг друга или погибли?

Лука отчаянно замотал головой — нет, только не это! Расстаться с сестрой — все равно что умереть. Близнецы ра Веллад с самого рождения были вместе: и в жизни, и в магии. Ради того, чтобы оставаться рядом, любой из них пойдет на что угодно, даже вытерпит тяготы этого дурацкого путешествия.

Единый Творец ли, почитаемый имперцами, или один из морских богов их матери поспособствовал, только вскоре на старой дороге появилась темная точка, которая росла по мере приближения. Ладная телега, запряженная шустрой каурой лошадкой, остановилась рядом с близнецами.

— Тпру! — Возница, мужичок из тех, про которых говорят «поперек себя шире», со смехом уставился на юных бродяг, как на чудное зрелище. — Вот так мóлодцы! Это где ж вы такие выискались?

Его правда, даже один из близнецов для этих мест смотрелся заморской птичкой: тонкая гибкая фигура, золотая от загара кожа, светлые глаза цвета воды в океанской лагуне и копна необычно подстриженных серебристых волос с золотистым отливом. Надо ли говорить, какое зрелище представляли два таких экзотических молодых человека, совершенно одинаковых и лицом, и фигурой? То, что Виола была одета в мужскую одежду, уже не раз выручало их в пути. Вот и сейчас возница решил, что встретил двух симпатичных парнишек.

С дядькой Онкалем близнецам повезло, он подвез их до ближайшего селения, снабдил информацией, да еще и подкормил чем Творец послал, а послал он оборотистому селянину немало. Уж как ни поглощали молодые люди пышный свежий хлеб да ароматные колбаски, а их все еще в изобилии оставалось в огромной корзине, заботливо укрытой вышитым полотном.

— Хозяйка моя старалась! — похвалился дядька. — И снеди наготовила, и вона какую вышивку своими руками сделала — бережную.

Гордился дядька женой и не скрывал этого. Увидев любопытство в двух парах аквамариновых глаз, пояснил:

— Хлеб-то она еще вчера испекла. А он каков? — Ра Веллады тщательней заработали челюстями, стараясь определить, что в каравае такого необычного. — Как утром из печи! Свеженький.

— Колдунья? — спросил Лука.

— Да не-е, в ведовстве чуток знается. Но все в границах дозволенного... Вы кушайте-кушайте! Я вам и с собой поесть соображу. Пока еще следующую краюху найдете... Эх, развелось мошеннического люду. Все герцог здешний. Совсем старый. За законом следить — уже силы не те. Вот и распоясались вору да разбойнички. Совсем совести у людей нету.

В приятной компании дорога пролетела быстро. Резвуха — каурая дядьки Онкаля — привезла хозяина и горемычных путешественников к Муштивенскому кресту — перекрестку, где старая дорога пересекалась с Южным императорским трактом. По обе стороны от нового тракта стояли крепкие каменные, а кое-где и покосившиеся деревянные дома.

— Вот это Муштивенка, — махнул дядька рукой в сторону селения. — Тамось, аккурат возле дороги, две гостиницы стоят. Авось в какой и работенку себе найдете, деньгу заработаете. При людях всяко не пропадете.

Близнецы тепло распрощались с благодетелем, напоследок вручившим им увесистый узелок с половиной караваея и двумя кольцами колбасы, которую по дороге они не успели попробовать. Пахла она еще лучше давешних колбасок, ядренее — не покупились Онкалева хозяйка на чесночок. Ра Веллады хоть и сыты были, но все же от аппетитного запаха у обоих тотчас слюнки потекли.

— Спасибо, дяденька! — Виола низко поклонилась благодетелю.

— Бывайте! Пушай Творец приглядит за вами, дитяти! — Дядька Онкаль подстегнул лошадку и продолжил путь.

Легко нагруженная телега пересекла широкий императорский тракт и скрылась в клубах пыли на пустынной старой дороге.

Солнце клонилось к земле, вечерело. Близнецы решили разведать обе гостиницы прежде, чем решить, как быть дальше.

Первая носила название «Лебединый клин». В ней было чистоенько, она явно претендовала на путешественников побогаче. Встретившаяся ра Велладам служанка посмотрела на запыленных юнцов с некоторым пренебрежением. Лука хотел было спросить о работе, но Виола дернула его за пышный рукав грязной рубашки и шепнула: «Потом! Пойдем отсюда».

Вторая гостиница оказалась постоялым двором и называлась «Свинья в желудях», о чем сообщала висевшая над воротами вывеска. С выгоревшего на солнце деревянного щита довольно щурилась упитанная свинка, увенчанная венком из дубовых листьев и крупных желудей. Прежде чем войти во двор, Лука внимательно рассмотрел довольную жизнью свинью и хитро ей подмигнул — ему верилось, что удача их с сестрой не оставит.

На постоялом дворе постояльцев было заметно больше, но публика собралась разношерстная. Выросшие в портовом городке близнецы без труда различали знакомые типажи: вон скаредный торговец ругается с хозяином за мелкую монетку и время от времени похлопывает себя по скрытому карману — кошелек проверяет; а вот там пара громил самого разбойничьего вида, явно свидетельствующего, что у них свои дела, в которые посторонним соваться не след — эти ни на кого и внимания не обратили, прошли в пивной зал, распугав постояльцев попроще.

Эх, близнецам бы такую прозорливость днем раньше, чтобы фатально не ошибиться с наймом экипажа... Лука до сих пор не мог успокоиться при мысли, как легко они с сестрой попались в лапы мошенников.

Последних в «Свинье в желудях» тоже хватало. Особо выделялся высокий широкоплечий красавчик в бледно-желтой рубашке и серых штанах, перепоясанный красным широким шарфом, как это делают кочевники-атемото. Он даже походил на одного из них темными кудрями, вившимися крупными завитками вокруг смуглого лица. Тем не менее атемото он не был, среди этого народца не бывало таких высоких и мощных мужчин с зелеными очами. Кочевники сплошь низкорослые да жилистые, вертлявые, с карими или черными глазками.

Зеленоглазый красавец звонко притоптывал добротными сапогами с подбитыми подковками каблуками да о чем-то шептался с мужичком премерзкого вида. Любопытная парочка авантюристов, очень колоритная. Но долго глазеть на кудрявого красавчика и его лысого компаньона Луке было недосуг — Виола тянула брата куда-то вглубь, в сторону темной пивной.

На красивого мошенника в красном кушаке девушка и не взглянула, ее внимание привлекли два увлеченных чем-то разбойника. Она чувствовала, что им с Лукой будет интересно то, что они обсуждали. И точно! Пара услышанных фраз мгновенно зародила в умах близнецов одну и ту же идею спасения. Им даже сговариваться ни о чем не пришлось, достаточно было понимающего взгляда. Виола едва заметно кивнула на мужиков, и Лука тотчас подсел к ним за стол.

— Чего тебе? — проревел разбойник, у которого через щеку шел старый косо́й шрам и отсутствовала мочка уха — видеть, кто-то серьезно покушался на его жизнь.

— Простите, — парень чуть ссутулился, чтобы смотреться как можно безобиднее, — услышал, о чем вы с товарищем говорите, и хочу поучаствовать.

Виола затаилась в темном углу, укрывшись за подпоркой, вытесанной из цельного бревна, которая поддерживала прогнившие стропила. Ей было видно, как заухмылялся второй, молчавший до поры разбойник. Слова Луки вызвали у него интерес — глаза мужика сделались масляными, он уже предвкушал забаву за счет молодого недотепы.

— На бои хочешь, что ли? И поставить есть чего?

Лука кивнул и сказал с бахвальством:

— Хочу! Только сведите куда нужно, а там я враз победителя определяю! У меня глаз наметанный.

Разбойники переглянулись.

— А не свистишь, малец?

Виола улыбнулась — так смешно Лука изобразил обиду и выкатил колесом грудь.

— Да я в нашем городе по петухам первый знаток!

— Может, тогда и об заклад побьемся? — сказал тот, что глядел на Луку масляными глазами.

— А хоть и об заклад! Но только для верности поручитель нужен, чтоб без обмана!

Мужики от юнца угрозы не почувствовали, потому быстро согласились:

— К Жульму обратимся. Он хозяин боев, такой не обманет. Ему честное имя дороже.

— По рукам! — Лука протянул узкую ладонь. — Какой уговор будет?

Меченый разбойник широко ухмыльнулся, открыв щербину в нижнем ряду желтых зубов.

— Давай так: сколько бы ты ни поставил — мы отдадим вдесятеро, если петух, которого назовешь как главного победителя, одержит верх в последней схватке!

— А у вас денег хватит?

— Ты чего, брильянты на кон ставить будешь? — заинтересовался «масляный».

— Я подумаю. — Лука все так же сидел с протянутой ладонью.

— Брильянты не сдюжим, а вот тысячу-другую монет наскребем, — сказал меченый.

Лука согласно кивнул, и разбойники по очереди скрепили уговор.

Виола разжала кулачки, которые невольно сжимала все время, пока шел торг, и удовлетворенно улыбнулась. Похоже, что им с братом сегодня удастся поправить свои дела.

Договорившись, как стемнеет, встретиться на заднем дворе «Свиньи в желудях», Лука встал из-за стола и покинул пивную. Виоле, к несчастью, пришлось задержаться — сразу незаметно выскользнуть она не смогла.

Меченый разбойник с шумом вгрызся в кусок мяса, который держал руками.

— Как думаешь, придет лопушок? — спросил жующего товарища «масляный».

— Лишь бы принес чего поценнее. — Меченый рыгнул. — А то притянет мелочовку какую, жаль будет руки марать.

— Может, прикрикнуть — малец сам и портки отдаст?

Лоб меченого нахмурился, разбойник задумался, как выскazać смутную мысль, даже рот открыл, в котором Виола разглядела кусок недожеванного мяса. Момент показался ей удачным, и она решила рискнуть.

— Не особо мне нравится этот молокосос, — «разродился» разбойник со шрамом, — он какой-то...

— Вы еще тут? — Виола внезапно появилась у меченого чуть ли не из-за плеча, тот от неожиданности подавился и закашлялся. — Я спросить чего хотел...

Девушка легко изображала брата, жестами они были так же схожи, как лицом и фигурой. Она изо всех сил так старательно похлопала кашлявшего разбойника по спине, что тот чуть ли не ткнулся лбом в стол, при этом рукой меченый сшиб еще полный пива жбан с открытой крышкой. Вонючее пойло хлынуло потоком.

— Ой, — сказала Виола, — я, пожалуй, попозже спрошу. Встретимся, как договаривались!

Под брань разбойников она поспешно покинула темную пивную.

Близнецы воссоединились возле конюшни. С самого детства был у них такой уговор: как что случится, искать друг друга возле лошадей. В деннике всегда легко спрятаться, а на сеновале можно и ночь переждать, пока батюшка не остынет и не перестанет ругаться. При жизни, когда капитан ра Веллад бывал дома, браниться ему доводилось часто.

— Что так долго? — спросил изнывавший от жажды деятельности Лука.

Виола неопределенно повела плечом, проделка была слишком мелкой, чтобы помнить о ней больше пары минут. Им предстояло более важное и интересное приключение.

Она внимательно осмотрела их с братом одежду. Штаны и рубашки были похожи, мелкие отличия в отделке не так бросались в глаза, как разница в башмаках — вот они различались и цветом, и размером. У Луки нога была больше. Безрукавные камзолы тоже не сильно походили друг на друга материей, и тот, что был на девушке, выглядел куда более поношенным.

— Как думаешь, башмаки и камзолы заметят?

— Может, им будет не до того? — с лукавством ответил брат.

— Тогда придется как следует постараться... — Виола развязала ворот рубашки и потянула за шнурок спрятанный у нее на груди мешочек-оберег из выделанной кожи. По стянутой горловине мешочка шли крохотные знаки, вышитые лазурными нитями.

Виола сжала оберег в обеих руках, Лука положил свои ладони поверх ее, и они хором зашептали заветные слова:

— Как капля льнет к ручью, как ручей стремится к реке, как река несется к морю, так и любовь матери океанской волной прибывает к детям ее. *Vodedada furum!*

Наговор и оберег близнецам передал отец. Сказал, что это последний дар их матери, да велел накрепко заучить слова, включая непонятные «vodedada furum». Без них, как оказалось, Виола и Лука никогда бы не увидели чуда — своего настоящего материнского наследства.

Когда близнецы разняли руки, из кожаного мешочка на ладонь Виолы выкатилась крупная жемчужина редкостного голубого цвета. Девушка довольно улыбнулась и сжала в кулачке волшебное сокровище:

— Вот теперь поиграем!

Хозяин петушиных боев Жульм, за взрывной характер прозванный Сварливым, был в отчаянии: неизменный победитель последних недель Серый Клюв выглядел вялым и отказывался от еды. Необычный цвет клюву петуха придавала специальная краска, которую Жульм наносил перед боем. Этот нехитрый трюк помог ему создать легенду вокруг своего фаворита — под кличкой Серого Клюва сменился уже с десяток птиц. Слава имени неизменно росла, а то, что окрас у петуха другой, так кто его точно упомянет-то?

— Хозяин...

— Что еще?! — громыхнул Жульм, отпустив крыло пернатого больного, которое тотчас безвольно поникло.

— Там это... Хитрый Вурц пришел, вас просит.

— Гони его к рогатым демонам! — Жульм со злостью подумал, что, как на грех, сегодня ему нечем заменить приболевшую птицу.

Мужик разбойничьего вида, в котором Виола без труда опознала бы того, которого про себя прозвала «масленным», хлопал застывшего в дверях работника по плечу.

— Посторонись. Привет, Жульм! Я сам как демон. — «Масленный» ухмыльнулся. — Дело к тебе имею.

— Вали откуда пришел! Не до тебя мне сейчас. — Хозяин боев взлохматил волосы огромными ручищами, под стать всей мощной фигуре: встав от петушиной клетки, Жульм головой едва не уперся в балку под потолком. — Не будет сегодня ничего.

Хитрый Вурц оценивающе покосился на вялого петуха:

— Может, есть какой способ схитровать? Или у тебя петухи перевелись?

— Такого, как этот, нету.

«Масленный» знал про трюк с краской, потому быстро предложил:

— А ты другого выкрась, а в финале сведи с этим вот дохляком! Тогда и слава не пострадает. А этого пока травкой взбодри, да и выпусти под конец.

— Ха! А с чужими бойцами я что делать буду?

— Тебе и делать ничего не придется — сам все сделаю. Только подсоби в одном деле!

Спустя час, не ведая о коварных планах противоположной стороны, на задах постоянного двора сошлись разбойники и Виола ра Веллад в камзоле брата. Скрытый заговором отвода глаз, Лука прятался неподалеку.

Меченому не терпелось оценить будущую добычу, но Виола предвидела такое развитие событий:

— Пойдемте скорее, пока не началось. Хочу петуха выбрать, чтоб без подсказок... Ну и темень тут, ничего не разглядишь!

Хитрый Вурц сделал знак товарищу, которого звали незамысловато — Шрамом. Втроем, сопровождаемые незаметным стороннему глазу Лукой, они двинулись на окраину Мушти-венки, где Сварливый Жульм держал большой амбар, в котором устраивал бои.

В помещении было жарко, освещавшие его факелы не давали ночной прохладе развеять стоявшую внутри духоту. Над местом, отведенным под арену, на цепях висело колесо от большой кареты, утыканное пока незажженными свечами — до начала еще оставалось время. Народу собралось немало, но, видимо, обычно захаживало больше, так как Шрам сказал:

— Пошли к Жульму, пока еще пройти можно.

— Откуда столько поклонников? — спросила Виола.

— Бои раз в седмицу устраивают, народ еще из других мест едет, не протолкнуться будет.

Они прошли по узкому проходу, отделявшему сцену от сколоченных из неошкуренных досок высоких ступенчатых помостов, на которых стояли лавки, возвышавшиеся с каждым новым рядом на манер амфитеатра.

Жульм поразил Виолу своими размерами, ей таких великанов видеть еще не приходилось. Голос и характер у хозяина амбара были соответствующие — хмурые, грохочущие раскатами близкой грозы. На девушку в мужской одежде он посмотрел с некоторой укоризной, как будто хотел сказать: «И куда ты влез, цыпленок?» Этот взгляд лучше всяких слов убедил Виолу, что Жульм, скорее всего, человек довольно честный и уговор соблюдет.

— Побиться об заклад хотим, Жульм! Подсоби нам, — сказал Шрам.

— Какой уговор у вас? — Великан раскрыл лежавшую на столе растрепанную амбарную книгу в засаленной обложке и макнул перо в чернильницу. — Говори, чего писать.

— Запиши такое: честные люди Шрам и Вурц побились об заклад с отроком... Как тебя звать-то, малец? — спросил у Виолы меченый.

— Дорнадом.

— Во-во, отроком Дорнадом... на то, что побьют его заклад вдесятеро против его ставки, если в сегодняшнем финальном бою победит петух, на которого он укажет. Чего ставить будешь, Дорнад?

Виола чуть не поморщилась — этим именем звали соседского мальчишку, вспоминать которого ей было неприятно. Но для проделки оно сгодилось как нельзя лучше. Пусть потом разбойники поносят его, как хотят, может, противного Дорнада икота замучит?

Девушка полезла в потайной карман камзола, но остановилась на полпути, словно в раздумьях.

— Я еще ваших денег не видел.

— Слышь, Вурц, он нам не доверяет! Покажи деньгу.

«Масленный» извлек из-под грязного кушака объемный мешочек, который приятно звякал, пока разбойник его развязывал. Внутри были серебряные монеты.

— Свой заклад покаж!

Виола вынула тускло замерцавшую в свете факелов жемчужину. Шрам с Хитрым Вурцем с шумом втянули ртами воздух.

— Настоящая?

Девушка положила жемчужину в ладонь Жульма, тот перехватил ее пальцами и внимательно рассмотрел.

— Самая что ни есть! — ответил он Хитрому Вурцу. — В Шаморе за нее герцогский ювелир не меньше трехсот золотых бы отдал, а может, и больше.

Жульм вернул Виоле ее сокровище.

— У вас столько денег будет? — спросила девушка разбойников, подначивая их ухмылкой.

— Не бойсь, на тебя, курвеныш, хватит! — зло сказал Хитрый Вурц и кинул в девушку монеткой. — На вот! Пусть пока карманы погрееет, а там, может, и пригодится, чтоб хоть с голоду не подох!

Виола и не подумала ловить подачку — еще бы, она рассчитывала заполучить весь кошель! Монетка отскочила и тихо звякнула где-то на полу.

— Обойдусь, — буркнула Виола вроде как обиженным голосом. — Показывайте, где тут у вас петухи?

Жульм закончил писать и встал, чтобы проводить спорщиков к маленьким загонам, в которых перед боем размещались птицы. Виола с интересом рассмотрела небольшие деревянные короба, сколоченные так, чтобы пернатые бойцы могли видеть соперников сквозь горизонтальные щели, но с бортами такой высоты, которая не давала самым раззадоренным выбраться. Эти петушинные загоны стояли на расстоянии друг от друга, гарантируя, что до начала поединка ни один из петушков не нанесет вреда другому.

— Выбирай! — Жульм широко взмахнул рукой.

Виола увидела, как двое мужчин сажали в загон черного петуха, принесенного в амбар в корзине.

— А они все здесь? — спросила она, чтобы потянуть время, а сама тем временем прищурилась, приглядываясь к птицам колдовским зрением. Способность эта была у нее слабой, требовала много сил и полной концентрации, о которой сейчас можно было только мечтать.

— Все, кто чего-то стоит, — да.

— Не-е, так не пойдет! А вдруг принесут кого нового, сильного до жути? Хочу увидеть всех.

Жульм с Хитрым Вурцем переглянулись.

— Мне недосуг возиться с вами, дел полно. Скоро начало. Как определишься, найдешь меня — я запишу.

Хозяин боев оставил Виолу с Хитрым Вурцем. Шрам сказал, что на пару минут отойдет, и направился к мерзкому даже

издалека, плешивому типу, заведовавшему доской, на которую мелком записывал ставки.

— Смотри, какие красавцы! — Голос «масленного» был полон приторной желчи. — Ну? Видишь победителя?

Виола на петухов-то глядела, но больше ее занимала непонятная пока реакция разбойника. Когда она шла в одну сторону, он мерзко ухмылялся. Стоило пойти к другому краю, как Хитрый Вурц изображал испуг, но в его глазах по-прежнему сверкали искры жажды наживы, лучше другого свидетельствовавшие, что лукавый плут забавляется с нею. Девушке стоило большого труда, чтобы не улыбнуться: игра шла как надо!

В их отчаянном положении излишняя самоуверенность близнецам только вредила. Виола слишком рано начала радоваться. Удача словно решила показать, кто тут истинная хозяйка положения, и повернулась к юной авантюристке если не задом, то уж точно боком. «Масленный» Вурц нависал над плечом и всячески сбивал сосредоточенность, в амбаре с каждой минутой прибавлялось народу, а слабенькое магическое зрение не помогало, а скорее мешало сделать выбор, сколько бы Виола ни металась от загона к загону.

Лука видел затруднения сестры. В магическом плане он ей помочь не мог, так как их дар распределялся неравномерно. Во многом Виола была сильнее и обладала такими талантами, которые у брата отсутствовали напрочь. Единственное, в чем он мог облегчить ей задачу, — отвлечь таскавшегося за ней разбойника.

На первое вредительство Хитрый Вурц почти не обратил внимания — тихонько подувший ему в ухо Лука едва успел отскочить, когда разбойник резко развернулся, машинально взмахнув рукой над ухом. «Масленный» так был увлечен метаниями своей предполагаемой жертвы, что даже не задумался, откуда мог подуть ветерок. Ничто его не насторожило.

Тогда юноша улучил момент, когда возле загонов остались только Хитрый Вурц, Виола и стоявшие вдалеке слуги Жулма, заботившиеся о петухах. На всякий случай встав подальше, Лука наклонился и, протянув руку, довольно сильно дернул кружащего вокруг сестры разбойника за штанину.

Хитрый Вурц вздрогнул и огляделся — вокруг не было никого, на кого он мог бы наорать за неудачную шутку.

Проделка отчасти удалась, но для Виолы передышка вышла слишком короткой, и Лука принялся изобретать новую каверзу.

Он приглядел возле стены здоровенную грудку корзин для переноски петухов. Оставалось только дожидаться, когда интересовавшая Луку парочка вновь окажется в том месте. Но Виола, как назло, застыла в центре ряда с петушиными загонами.

— Иди к стене! — тихо прошипел Лука сестре на ухо, рискуя подобраться к ней вплотную. Пола его камзола чуть ли ни касалась стоявшего рядом разбойника. Виола едва заметно вздрогнула от неожиданности, но больше ничем не выдала присутствия брата. Она послушно повела Хитрого Вурца к грудке корзин.

Повеселев оттого, что все прошло так гладко, Лука подцепил свисавший край грязного разбойничьего кушака — невзрачной тряпки бурого цвета. По краю кушак был обшит расстрепанной бахромой, вот эти-то лохмы заботливый брат азартно принялся прикручивать к ивовым прутьям корзины. Такого добра тут было навалом. Лука выбрал корзину, что лежала пониже, утопленная среди таких же, наваленных поверх нее чуть ли не до потолка. От предвкушения он едва не мурлыкал, совсем позабыв о втором разбойнике, который решил вернуться к подельнику и их жертве, как только лысый маклар — делец, принимающий деньги, взял у Шрама десяток монет и записал на доске его ставку.

Потирая руки, довольный донельзя меченый разбойник направился к месту, где Хитрый Вурц пас их драгоценный куш.

Тучный, очень маленького роста управитель Муштивенки, без которого не обходился ни один петушиный бой, заступил Шраму дорогу. Слуга Жюльма сопровождал герцогского ставленника, заискивающе кланяясь и пятясь. Направлялись они в ту же сторону, что и разбойник: управитель до публичного осмотра и взвешивания птиц собрался присмотреть себе фаворита. Шрам посторонился, пропуская их, и пошел следом, окликнув подельника:

— Вурц!

Дружок-разбойник обернулся и сделал шаг навстречу. Шрам увидел, как за спиной Хитрого Вурца дрогнула и угрожающе закачалась огромная колонна плетеных корзин.

— Что за... — договорить Шрам не успел, он внезапно зацепился обо что-то, чего не увидел, и полетел на пол, по пути хватаясь за что придется, а «пришелся» ему сам герцогский управитель. Тяжелой, натруженной на ниве неправедных дел рукой разбойник со всей силы бахнул низкорослого начальни-

ка села по голове, да по самой маковке. Пальцы Шрама запутались в жесткой гриве волос и неожиданно утянули ее за собой. В этот момент случилось три впечатляющих по громкости события: управитель Муштивенки завопил, как хряк на убое, массивный Шрам рухнул на хлипкие петушьи загоны, а кинувшийся на подмогу подельнику Хитрый Вурц обрушил корзины.

К брани обоих разбойников и верещанию сельского управителя добавились всеобщие крики и заплошное петушиное кудахтанье. Птицы испуганно ринулись из поломанных коробов, кто-то начал драку, не дожидаясь боя, вокруг летели перья и брызги крови.

Жульм ринулся спасать имущество и наказывать виноватых. Парой мощных оплеух он расчистил себе дорогу к своим погубленным мечтам — даже на первый взгляд урон был огромный.

Хуже поломанных загонов и испуганных, большей частью травмированных петушков, яростно дерущихся совершенно забесплатно, было то, что среди всего этого бедлама на карачках ползал эрзар Гиккон — доверенный слуга местного герцога и управитель Муштивенки. Пытавшийся встать Шрам так боднул несчастного, лишенного парика Гиккона под зад, что тот с громким стуком приложился лысой головой об относительно целый загончик. Короб развалился, и на блестящую, как шар, голову сельского управителя вскочил сегодняшний Серый Клюв. Петух стал сердито клевать верещавшего обидчика.

Это была полная катастрофа!

И во всем виноваты Шрам и Хитрый Вурц! «Чтоб им кишки на дерево намотали!» — в сердцах подумал разоренный хозяин боев.

Народ в амбаре недовольно гомонил, а слуги под присмотром разгневанного Жульма разгребали последствия и подсчитывали убытки. К тому моменту, как из завалов выбрался заляпанный куриным пометом, облепленный перьями и весьма потрепанный Хитрый Вурц, сердце сварливого хозяина предприятия облилось кровью тысячу раз — он оплакивал каждый грош потери, и гнев его закипал все сильнее, чтобы выплеснуться во что-то доселе в местных краях невиданное. У Жульма даже руки дрожали.

«Тьфу!» — Хитрый Вурц сплюнул попавшее в его рот перо, но когда увидел приближавшегося к нему грозного, как морской ураган, Жульма, то заискивающая улыбка исчезла с губ разбойника, и он задом попытался ввинтиться в кучу мусора, из-под которой только что вылез.

— Жу-ульм! — Голос Хитрого Вурца дал «петуха». — Ты это... того...

— Щ-щц-щас тебе будет... и э-этого... и того-о! — прошипел-просвистел разъяренный великан. — И ещ-щце сверх того тоже-ээ!

Почти вставший на ноги Шрам предпочел рухнуть обратно, Жульм переступил через него — сейчас он видел только одного человека, и этот человек пытался улизнуть! Кулаки хозяина амбара сжались, он догнал Хитрого Вурца, со всего маху наступил ему на руку и угрожающе навис над задрожавшим разбойником.

— Жульм! Я не винова-аа... Ай!..

Куча мусора из досок и корзин рядом с трусливым жуликом зашевелилась, и одна из досок с гвоздем тюкнула его по лбу — Виола отбросила еще пару корзин и выбралась наружу, прижимая к груди петуха.

— Я выбрал, — прокашлявшись, сказала она застывшим мужчинам. — Вот это мой победитель!

Жульм и Хитрый Вурц переглянулись. Кулаки хозяина боев разжались — в его душе затеплилась надежда, глаза же разбойника вновь маслено заблестели: треклятый паренек прижимал к груди больного петуха, списанного в неудачники!

Среди сновавших по амбару людей, дожидавшихся, пока слуги хозяина петушиных боев наведут хоть какой-то порядок и приготовят все к соревнованию, был человек, который злился из-за происшествия едва ли не больше, чем Жульм. Планы высокопоставленного асарахи — особо доверенного секретного агента и наемного убийцы, подчиненного самому главе союза Алтувета, — внезапно пошли прахом. Он не успел забрать спрятанное возле петушиных загонов послание. А ведь ради него он так рисковал, явившись сюда лично! Достоверно знал, что здесь присутствовали агенты имперской службы безопасности. И в такой опасный момент два неуклюжих идиота поставили его миссию на грань катастрофы.

Он физически ощущал, что люди Аргана II дышат ему в затылок. Только близость опасности останавливала его, чтобы проучить виновников своего близкого провала. Впервые за долгую и успешную карьеру, омрачаемую только активной деятельностью Беспокойного Бродяги. Этот противник был ему под стать. Хотя имперский агент оказался не таким увертливым, как он — Тень. В Алтувете Беспокойного Бродягу пару раз ловили. Но мерзавец неизменно убегал раньше, чем его инкогнито было раскрыто. Последний раз он сбежал из личной темницы главы союза, убив лучшего палача-дознателя и спалив резиденцию, в сокровищнице которой хранились бесценные произведения искусства.

Глава до сих пор пребывал в ярости. Он отправил Тень в Геврат с приказом во что бы то ни стало доставить ему голову Беспокойного Бродяги, кем бы тот ни был. Ради этого сейчас Тень рисковал собой и еще одним агентом.

Все складывалось удачно, пока не появились двое недоумков, место которых на виселице возле дороги. Искушение исправить недосмотр имперских стражников у Тени было слишком сильным. Но он вынужден был сдерживать гнев.

Ему представилось, что на одной чаше весов судьба более миллиона его соотечественников, населявших государства, входившие в союз, а на другой — скорое удовлетворение, которое он получит, наказав двух ротозеев.

К сожалению, вторая чаша выглядела привлекательнее, что было непрофессионально с его стороны.

Хотя, если выпадет пусть даже крохотный шанс, он его не упустит.

У Виолы забрали облюбованного ею петуха, и Жульм дописал в условия спора недостающие сведения. Нельзя сказать, что девушка была довольна своим выбором, скорее уж именно в эту птицу она вцепилась из отчаяния. К счастью, ей удалось поддержать своего бойца на руках, и у нее было достаточно времени, чтобы наколдовать все, что задумала, дальше дело было за мастерством брата.

Случалось, что втайне от мамок-нянек да любящего, но сурового нравом батюшки близнецы часто развлекались по тавернам да постоялым дворам родной Маринвенской бухты — подчиняли и накачивали собственной силой животных, чув-

ствовавших в разных соревнованиях. Необычная колдовская сила досталась близнецам от матери, которую они никогда не видели, так как она умерла, давая им жизнь.

Батюшка-капитан явился домой из двухгодичного плаванья с младенцами на руках. О личности матери своих детей он никогда особо не распространялся, придумав для знакомых удобоваримую легенду, которую поначалу рассказывал и близнецам. И так было бы и дальше, если бы внезапно у деток не проявился колдовской дар, незнакомый традиционным маггам. Тогда-то батюшка признался, что их матерью была колдунья родом с далекого полулегендарного острова, но об этом Виоле и Луке на людях следовало молчать. Приглашенный для близнецов наставник магии почти ничему не смог научить подопечных: их дар слишком уж отличался от традиционной магии стихий, практикуемой на обоих заселенных людьми континентах Фрайлата. Вот тогда сестра с братом и принялись экспериментировать самостоятельно.

С животными у Виолы лучше всего получалось создавать силовую, оплетающую каждую кость и мышцу сеть, которую сама девушка и брат видели в виде светящихся голубых линий. Виола оставляла свободными несколько нитей магического плетения, и тут в дело вступал Лука: за выведенные концы силовых нитей он научился управлять подчиненными и напитанными невидимой магией живыми существами. Мог добавить или отнять силу, сделать кости тверже стали, мог даже на несколько мгновений забрать себе физический вес, оставив животное невесомо парить в воздухе. А вот чего не мог, так это управлять разумом околдованного существа. Поэтому Луке приходилось действовать осторожно, чтобы не испугать животное.

Постепенно, от опыта к опыту, близнецы разбирались в природе своей силы. К немалому сожалению, они поняли, что не могут сделать подчиненное существо абсолютно неуязвимым. Трудности были и с тем, чтобы их подопытный стал победителем: юные колдуны могли дать ему силу и некоторую защиту, но дальше все зависело от характера самого животного. Чтобы победить, существо должно было само хотеть стать победителем...

Скрючившись, Лука еле-еле смог устроиться в непосредственной близости от арены, пожалуй, даже слишком близко. А ему так хотелось потянуться, сбросить напряжение, расте-

реть многочисленные ушибы, полученные в результате столкновения со Шрамом и муштивенским управителем. Корзины тоже оказались убийственно тяжелыми — небось теперь все тело в синяках. Но под ноги разбойнику он угодил удачно, хотя ничего такого не планировал, просто попятился, когда Хитрый Вурц внезапно двинулся в его сторону. Хорошо, что все совпало — и Шрам зацепился, и корзины произвели нужный эффект. Но выбираться из разгромленного угла с законами пришлось с особыми предосторожностями — он чуть не попался. А пара подозрительно сноровистых мужичков так вообще открыли на него охоту. Чуюли они его, что ли?

В своей невидимости Лука был уверен, они с Виолой сами до такого додумались — соединили ведьмовской заговор, классическую магию учителя и свою необычную силу. Результат превзошел все ожидания — ни одно живое существо, ни один маг стихии или ведьма не были способны различить близнецов под их самодельным пологом невидимости и отвода глаз.

А эти мужички его как-то засекли. Лука собственными ушами слышал, как они шептались о «невидимом маге» и о том, что его надо изловить. Ему стоило побережться.

Новый знакомый — великан Жульм — объявил начало боев, сказав, что сегодня бойцов будет меньше, чем обычно, и те, кто уже поставил на выбывших из-за происшествия петухов, могут вернуть свои деньги после подведения всех итогов. Сейчас же тем, кто еще хочет поучаствовать, нужно будет поставить по новой.

Поднялся недовольный шум, на арену шмякнулась пара огрызков и целая луковица, запущенная разгневанным зеленщиком. Лука порадовался, что никто не знает о его проделке, парой синяков он бы не отделался.

Всеобщие волнения улеглись, когда Жульм выразительно потер свой гигантский кулачище и сурово осмотрел собравшихся.

— Начинаем! — сухо сказал он.

Проворные слуги вынесла на арену первую пару будущих бойцов.

— Лазурное Перо против Задиры! — объявил помощник Жульма зычным, не лишенным приятности голосом.

Петухов пронесли по кругу вдоль края арены, демонстрируя всем желающим. Затем публично взвесили, а плешивый маклар записал вес бойцов на отдельной доске. После чего у

желавших сделать ставку было пять минут, которые показались вынужденному сохранять неподвижность Луке целой вечностью. Он с тоской подумал, что это только первый бой и сидеть ему так еще долго. Впрочем, во время поединка он тут же забыл, что еще недавно сетовал на судьбу. Охвативший его азарт заставил кровь вскипеть, Лука почти забылся и опомнился лишь в последний момент, когда чуть не закричал вместе со всеми.

Победил петух с ярким голубым пером в оципанном в бою хвосте. Лука радостно ухмыльнулся — он за него болел, даже помог самую малость, на секунду придержав рыжего Задиру за лапу. Лазурному Перу этого хватило, чтобы вырвать победу.

«Эх, вот бы самому поставить!» — с тоской подумал Лука. Деньги у него были — он подобрал монетку, брошенную Хитрым Вурцем в Виолу. Теперь серебрушка жгла неугомонному парню карман. «А что если...» — Лука вдруг сообразил, что можно провернуть с монетой. Да, у него все может получиться, если представится шанс ненадолго выскользнуть.

Заинтересовавшись наглым планом Луки, удача благосклонно взглянула на не видимого никому, кроме нее, юношу. Ареннный распорядитель с зычным голосом после третьего боя объявил краткий перерыв. Лука тут же сорвался с места, забыв о своих ушибах и затекших в неудобной позе конечностях.

Чтобы совершить задуманное парню хватило десяти минут. Ему несказанно повезло — легко и быстро он нашел подходящего суеверного помощника. Теперь скромная ставка находчивого юноши была записана на большой доске маклара под именем Неупокоенный.

Вначале у Луки было достаточно времени, чтобы вернуться к арене, но шанса сделать это незаметно все никак не выпадало. Разгоряченные переживаниями от прошедших боев и стремящиеся удачно поставить на будущие поединки игроки толпились во всех проходах, мало кто остался на своих местах. Вот уже и Жульм громогласно прорычал, чтобы все рассаживались, но народ расходиться не торопился, а Луке отчаянно нужно было попасть к арене — он не знал, когда точно состоится бой выбранного Виолой петуха. Юноше постоянно приходилось крутиться, как угрю на сковороде, лишь бы увернуться от случайного соприкосновения, которое могло его выдать. Те два мутных типа, которые шептались между собой про невидимого мага, сновали в толпе, как пара голодных касаток в море.

Сюрпризы Луке были не нужны, его задача — привести нужного петуха к победе да разжиться деньгами на дальнейшее путешествие. Не дело наследникам Солнечной флотилии сидеть без гроша в кармане. Хорошо, что про их бедственное положение еще конкуренты не проведали...

В распахнутых во всю ширь дверях амбара появился знакомый Луке красавчик в красном кушаке. Повисшая на его предплечье бойкая девица несколько разбитного вида тянула смазливового мошенника за собой, а тот особо и не упирался, широко ухмылялся, сверкая белоснежными зубами. О чем они говорили, Лука не слышал, ему было не до того — рыскавшие в поисках невидимки мужики были совсем рядом. На его счастье, их внимание тоже привлек кудрявый, похожий на атемо красавчик в ярком кушаке. Было в этом парне что-то притягательное, и в то же время от него исходило ощущение силы, которое заставляло народ расступаться, пропуская без каких-либо просьб с его стороны. Лука смекнул, что это его шанс — парочка направлялась к арене. Оставалось дождаться, когда красавчик с девицей приблизится, и пристроиться к ним в кильватер.

Веселая девица покинула зеленоглазого красавца; как только они поравнялись с Лукой, она так резво двинулась в сторону рычавшего на слуг Жульма, что юноша еле успел отскокить, при этом он чуть не столкнулся с одним из той парочки, которой ему нужно было стеречься больше всего. Лука быстро крутанулся, на мгновение заметив чрезвычайно злой взгляд красавчика, но когда вновь посмотрел на него, тот все так же весело ухмылялся, а в глазах его горела лихость, свойственная только уверенным в себе мошенникам да бесстрашным разбойникам.

Расчет юноши оправдался: следуя за красавчиком в кушаке, он смог пробраться к своему прежнему местечку под самой ареной. Как раз вовремя — их с Виолой петуха на помост вынесли первым.

— Костяной Клов против Любимца Творца! — Второй петух мало чем отличался от околдованной близнецами птицы, разве что был чуть-чуть легче.

Помогать своему бойцу Лука не торопился. Оба петуха вели себя довольно вяло, публика улюлюкала и топала ногами. Лука держал нити колдовского плетения сестры весь поединок, но так ни разу и не воспользовался силой. Пусть без какого-либо задора, но их Костяной Клов переборол слабого про-

тивника и без магической поддержки. Так было даже лучше: в финальном бою на эту птицу никто ставить не будет.

Лука поискал взглядом сестру. Она стояла между трибунами в компании Шрама и Хитрого Вурца. Виола изображала бурную радость от победы, а разбойники над ее головой торжествующе переглядывались.

В отличие от сестры, Лука в богов не верил, но сейчас помолился, чтобы у них все получилось. Призыв свой он направил морю, которое воспринимал живым существом. Его Лука действительно уважал, в отличие от равнодушных морских богов, в которых верили моряки, да мифического Творца, которому поклонялись имперцы.

Сестра предпочитала старых морских богов, но Лука подозревал, что такой выбор она сделала, чтобы хоть так стать ближе к матери, которой они с сестрой совсем не знали. Как не знали и того, во что на самом деле верила островная колдунья. Просто Виола решила, что если уж их мать была островитянкой, то поклоняться должна была морским богам. А так ли это или нет — кто знает? О том острове только предания ходили, что есть такой, на котором живут красавицы, все поголовно то ли ведьмы, то ли колдуньи. А тому, кто на остров по случаю попал да чудом с него выбрался, больше вовек туда дороги ни сыскать, как бы ни хотел вернуться. Вот и батюшка близнецов все мечтал привезти им с сестрой с острова наставницу, чтобы они дар свой обуздали, но и ему повезло так же, как тем беднягам из матросских баек, — то есть никак.

Прошло еще два боя. Жулъм вновь объявил перерыв, но Лука больше не рискнул отлучиться со своего укромного местечка под невысоким помостом, который служил здесь ареной. Так и просидел под ним до того момента, как Костяного Клюва вновь вынесли для представления зрителям. Вид у петуха был все такой же вялый, а соперник для нового боя ему попался более резвый.

Зрители были недовольны, сверху засвистели, и зычноголосый помощник Жулъма поторопился начать поединок. Стоило петухам сойтись, как околдованного бойца словно подменили! Вся вялость Костяного Клюва пропала, и он с остервенением ринулся на соперника.

«Нет, нет, нет!» — прошептал Лука. Им с Виолой такая демонстрация силы петушка была ни к чему. Еще юношу поразила внезапная перемена в поведении пернатого бойца, даже

мелькнула мысль, что дело тут нечисто, но времени размышлять об этом не было. Воспользовавшись своей властью над птицей, Лука отобрал у Костяного Клюва силы для атаки. Его соперник тут же воспрянул и ринулся на затихшего противника. Теперь Луке потребовалось все внимание, чтобы управлять телом сбитой с толку птицы.

Сжав кулачки, Виола во все глаза следила за поединком. Она так увлеклась, что не заметила, как внезапно исчез Хитрый Вурц, который до того не отходил от нее ни на шаг.

«Масленный» пропал не по своей воле — огромная ручища Жульма выдернула его из толпы и увлекла к темному закутку, в котором хозяин боев прижал разбойника к стене и навис над ним, едва сдерживая рычание:

— Твои проделки? Признавайся!

— Жульм, ты чего?

— Ты подменил травку? — Жульм ухватил Хитрого Вурца за рубаху и потянул так, что та затрещала, а стягивающие ворот завязки остались в лапище хозяина амбара.

— Нет! — взвизгнул Хитрый Вурц. — Чем хочешь поклянись! Даже в храм пойду! Слово даю, что ничего не делал! Зачем мне это нужно?

Жульм чуть ослабил хватку:

— Тогда что с петухом? Он сейчас должен был бы разорвать серого по перышку, а сам едва ноги переставляет!

— У нас уговор. — Хитрый Вурц задышал спокойнее: предъявить ему подельник ничего не мог, Вурц той травки и в глаза не видел, всё делали слуги Жульма, вот пусть теперь с них и спрашивает. — Пусти... Своих проверь. Или на издохе петух твой, вот и сил нету.

Хозяин боев заскрежетал зубами: связался с этими неудачниками, и вот результат — что не разгромили, то за долги уйдет, если план с новым Серым Клювом не выгорит. А все к тому и идет. Сейчас-то на короткое время больной петух должен был показать себя сильным бойцом, чтобы ставки на него взлетели, а он и до финального боя не дойдет, только травку заветную зря перевели...

Злость застила глаза, но разум Жульма метался в поисках решения.

Есть! Придумал! Не один он убытки нести будет.

— Ты, Вурц, и Шрам мне крупно должны... Смекаешь, о чем я?

— Нет...

— Да-а... Моли-ись, чтобы этот дохляк хотя бы до финала не издох, а не то отдадите мне не только жемчужину. — Лапища Жульма опять сжала и без того пострадавшую рубашку. Хитрый Вурц ощутил, как в подмышках заношенная ткань расплзается, оставляя рукава болтаться на плечах. Обнажившиеся бока почувствовали прохладу сквозняка из открытых амбарных дверей и заныли, словно предчувствуя незавидную судьбу. Жульм был скор на расправу, а значит, петух с выкрашенным серой краской клювом должен был выиграть!

Луку трясло от напряжения, ему еще никогда не приходилось так трудно. Ну и бойца выбрала Виола! Это же какой-то демон в петушином обличье. Раньше юный колдун всегда думал, что чем больше силы, тем лучше. А сейчас ему пришлось постараться, чтобы сил у раздухарившегося петуха была самая малость, и эта задача оказалась намного сложнее. Он чувствовал, что только чудом смог управиться и позволить Костяному Клюкву победить так, чтобы это выглядело невероятным везением, а не заслугой самого бойца.

— Что случилось? — спросила Виола у изрядно потрепанного и вспотевшего Хитрого Вурца. Его появление в столь жалком виде привлекло не только ее внимание, Шрам также с удивлением уставился на поделника.

— Ха-ха-ха, — натужно и неискренне рассмеялся Хитрый Вурц. — Маленькое происшествие. Пустяк! Как там твой боец — рвет и мечет? Не волнуешься, а?

Виола всем видом показала, что эти вопросы ее смутили и испугали. Тем временем, воспользовавшись случаем, «масленный» утащил своего меченого приятеля.

Девушка с трудом переборола желание облегченно вздохнуть и потянуться. Расслабляться было рано: кругом сотни отнюдь не дружелюбных глаз, а рискованный план вот-вот подойдет к финалу. Им с Лукой нужно не оплошать. Да помогут им морские боги!

В следующем бою победил петух по кличке Серый Клюв. Как поняла Виола из разговоров завсегдаеяв, это был бесспорный фаворит, принадлежавший самому хозяину заведения. Девушка понимающе ухмыльнулась — громила Жульм не дурак. Ничего, еще посмотрим, кто кого!

Третий бой за право выйти в финал закончился неудачей для обоих петухов. Рыжий с трудом одолел рябого, но в последний бой не прошел: забиравший его с арены слуга обнаружил, что петух серьезно повредил одну лапу. «Или ему ее повредили...» — подумала Виола. Как-то не понравилось ей, что Шрам с Хитрым Вурцем последние два боя провели рядом с хозяином признанного фаворита.

Перед финальным сражением объявили небольшой перерыв, но народ не расходился с мест. Многие выражали недовольство — ставить на победителя не имело смысла. Кто в здравом уме будет выкладывать денежки за дохляка против всем известного Серого Клюва? Если люди и не расходились, то только потому, что ждали своих денег, которые им обещали вернуть за несостоявшиеся ставки.

Шрам пришел за Виолой:

— Пошли, Жульм ждет.

Хозяин боев улыбнулся девушке радостно, как родной бабушке, которая только что объявила его своим единственным наследником.

— Давай сюда залог, — гулко пророкотал Жульм.

Виола вынула жемчужину и отдала ему, как поручителю. Шраму с Хитрым Вурцем пришлось вывернуть все явные и потайные карманы, чтобы наскрести три тысячи, положенные Виоле в случае выигрыша. К удивлению девушки, разбойники расставались с наличными с какими-то кислыми физиономиями. Что-то не чувствовалось в них ожидания скорой победы.

Когда объявили финальный бой, оба залога красовались у Жульма на столе. Он махнул в сторону арены:

— Идите смотрите, кто победит.

Но ни Виола, ни разбойники не проявили желания отлучиться от стола с залогами более чем на пару шагов. Каждый из них не хотел показать это явно, вот и топтались рядом с начавшим раздражаться Жульмом.

— Чего встали?

— Отсюда так хорошо видно. — Виола даже не покривила душой: с ее места вид на жемчужину и монеты открывался отличный.

Хитрый Вурц не решился что-либо сказать, а вот Шрам рискнул:

— Да-да, все видать!

На арену вынесли петухов. Вид у Костяного Клюва был ужасный — никто и не подумал поухаживать за ним после предыдущей схватки: теперь перья его торчали во все стороны, а сам петух еле стоял на ногах, его шатало.

Притаившийся под ареной Лука пришел в отчаяние: все было не так. Еще четверть часа назад их с Виолой птица была неуправляема, а сейчас чуть дышала! Юноша ничего не понимал. Видать, и в самом деле петуха опоили. Ничего другого нельзя было сделать, поэтому Лука сосредоточился, собирая внутри себя силу, чтобы напитать ею шатавшуюся птицу. Вначале опять пришлось действовать осторожно: резкий прилив сил мог добить несчастное существо.

— Глядите-ка! — завопил один из зрителей с первого ряда. — Вот так номер!

Стих шум разговоров рассеянной до этого момента публики. Все посмотрели на арену.

— Давай! Бей! — закричали со всех сторон.

И только от стола хозяина боев донеслись рычание и брань.

Внезапно оживший и раззадорившийся Костяной Клюв подпрыгивал и сверху бил нового обладателя крашеного клюва так, что у того перья летели и не успевали упасть на арену, как их подхватывал новый вихрь, рожденный крыльями безудержной в своем гневе атакующей птицы.

— Бей! Бей! Бей! — стали скандировать зрители в унисон, отбивая ритм ногами. Кто-то вскакивал с места, не в силах сдержать порыв и также крича вместе со всеми. Шум стоял ужасный.

Виола поразилась чувству всеобщего упоения, которое, казалось, было разлито в воздухе.

— Бей! — закричала она вместе со зрителями и счастливо рассмеялась, когда соперник ее петуха бессильно рухнул на арену, заливая ее кровью. Они победили! От эйфории кружилась голова.

Осталось самое сложное: забрать деньги и благополучно с ними уйти...

Сокровища на столе маняще блестели. К сожалению Виолы, теперь их законной владелицы, молчаливый призыв богатства слышала не она одна — сгорбившийся Жюльм, Шрам и Хитрый Вурц замерли. Казалось, каждый из них боялся пошевелиться первым или сказать что-то, нарушив напряженный момент.

— Кха-мм... — Виола откашлялась и облизала внезапно пересохшие губы. — Я это... вроде как победил, верно?

Она сделала шаг к столу и потянулась к заслуженному выигрышу. Дальнейшее ее удивило: Шрам с тоской посмотрел на деньги, которые раньше таскал у себя за поясом, Хитрый Вурц явственно скрипнул зубами, но с места не сдвинулся, зато у поручителя спора — Сварливого Жульма — взбугрились напряженные мышцы. Он навис над столом, подобралшись, как алтветский лев перед прыжком.

Виола про себя выругалась — они с Лукой оказались слишком самонадеянны. Брата рядом не было, помочь он не мог: слишком далеко арена от делового закутка Жульма, слишком много людей на пути. Взволнованные внезапной победой петуха-неудачника зрители и не думали расходиться, толпились в проходах и возле арены, обмениваясь впечатлениями.

— Как там тебя... Дорнад, что ли?.. — Теперь уже у великана пересохло в горле, его голос стал хриплым, выдавая волнение. Жульм оперся о столешницу так, что выигрыш Виолы оказался аккурат между его огромными ладонями. — Торопись куда?

Девушка почувствовала, как проигравшие спор разбойники незаметно придвинулись ближе, отрезая ей путь к отступлению.

— Время позднее... — начала она, лихорадочно соображая, как выпутаться из опасной ситуации, — да и отметить есть что. Не присоединитесь?

Ее предложение оказалось для мужчин полной неожиданностью: они опешили.

Виола поторопилась закрепить успех:

— Где тут у вас лучшее пиво? Я угощаю!

Но владельцу разоренного предприятия, о чем девушка не знала, было не до праздничных возлияний, поэтому он не поддался на ее провокацию.

— Ты, парень, погодь... успеется... — Рука Жульма поднялась и зависла над так плотно набитым мешочком с деньгами, что горловина его не затягивалась, поэтому часть монет лежала тут же, на столе. Бесчестный поручитель явно собирался наложить лапу на чужой выигрыш.

Виола подобралась — сейчас все решится...

В царившем в амбаре гомоне внезапно слышались крики:

— Куш! Народ, кто-то сорвал куш!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в которой сходятся дороги	5
<i>Глава вторая</i> , в которой маркизу устраивают засаду	40
<i>Глава третья</i> , в которой начинается охота	81
<i>Глава четвертая</i> , в которой объявляется война	125
<i>Глава пятая</i> , в которой кое-кто капитулирует	159
<i>Глава шестая</i> , в которой опасность подстерегает там, где ее никто не ждет	214
<i>Эпilog</i> , в котором выясняется, что поразившая «Олений бор» эпидемия любви несколько шире, чем казалось раньше	276
<i>Эпilog эпилога</i> , в котором выясняется, что это еще не конец истории	279